

DOI: 10.24412/2308-8079-2023-1-4

УДК 271.22:2-86

**БОРЬБА ЗА КОМПРОМИСС: ТИМОФЕЙ АНДРЕЕВ
О СТАРОВЕРАХ, ЦЕРКВИ И ГОСУДАРСТВЕ
(ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XVIII В.)**

Пулькин М.В.

В статье рассмотрены основные проблемы полемики старообрядческих наставников по наиболее сложным и принципиальным вопросам, связанным с взаимоотношениями с приходским духовенством и государственными органами власти. При обсуждении данной проблемы возникли противоположные точки зрения. С одной стороны, звучали призывы к жесткому противостоянию «немирному сему миру». Конфликт при явном неравенстве сил мог привести к уничтожению старообрядческих поселений и суровым репрессиям. С другой стороны, старообрядческие публицисты высказывались в пользу разумного компромисса, поддержания жизненно важных контактов со сторонниками реформ патриарха Никона. Особая роль в разгоревшейся интенсивной полемике принадлежала Тимофею Андрееву – известному старообрядческому публицисту, который настаивал на поддержании стабильных отношений с российским обществом, принявшим никоновские реформы, и на добровольной регистрации в соответствующих государственных учетных документах. Суть его представлений заключается в борьбе за компромисс между старообрядческими сообществами и принявшим власть Антихриста внешним миром.

Ключевые слова: старообрядцы, Православие, полемические произведения, духовенство, наставники, эсхатология, антихрист.

**THE STRUGGLE FOR COMPROMISE: TIMOFEY ANDREEV
ABOUT THE OLD BELIEVERS, THE CHURCH AND THE STATE
(THE SECOND HALF OF THE 18TH CENTURY)**

Pulkin M.V.

The article deals with the main problems of the Old Believer mentors' polemics on the most complex and fundamental issues related to the relationship with the parish clergy and state authorities. Opposite points of view aroused during the discussion of this problem. On the one hand, there were calls for a tough confrontation with the "non-peaceful world". A conflict with a clear inequality of forces could lead to the destruction of Old Believer settlements and severe repression. On the other hand, Old Believers' publicists spoke in favour of a reasonable compromise, maintaining vital contacts with supporters of Patriarch Nikon's reforms. A special role in the intense controversy that flared up belonged to Timofey Andreev, a well-known Old Believer publicist, who insisted on maintaining stable relations with Russian society, which accepted the Nikon reforms, and on voluntary registration in the relevant state accounting documents. The essence of his ideas lies in the struggle for a compromise between the Old Believer communities and the outside world that has accepted the power of the Antichrist.

Keywords: Old Believers, Orthodoxy, polemical writings, clergy, mentors, eschatology, antichrist.

Финансовое обеспечение исследований осуществлялось из средств федерального бюджета на выполнение государственного задания КарНЦ РАН по теме: «Карелия в условиях общественных трансформаций XVII-XXI вв.: новые подходы и интерпретации» (номер государственной регистрации 121070700117-1).

Сложная проблема взаимоотношений старообрядцев со служителями и сторонниками «никонианской» Церкви стала предметом *детального* обсуждения авторов-проповедников «древнего благочестия» сравнительно

поздно – в середине XVIII в. Главная причина игнорирования старообрядцами индивидуальных черт своих противников заключалась в предельной деперсонализации представителей «мира Антихриста». Для них, как для безликой массы, в трудах старообрядцев были уготованы единые этические нормы и предельно стандартизированные обличительные характеристики. Немаловажное значение имело и устойчивое представление будто бы о полном и окончательном «исчезновении» в официальной Церкви таинства хиротонии и, следовательно, невозможности рукоположения священников [18, с. 32]. Жесткая реакция «никониан» не замедлила проявиться. В течение длительного времени, начиная с первых трагических лет церковного раскола, старообрядцы подвергались суровым гонениям, причины, основные этапы и последствия которых широко и всесторонне отражены в исторических исследованиях [2, с. 74; 4, с. 120-138; 7, с. 19-25]. Репрессии дополнялись разнообразными законодательными ограничениями прав старообрядцев, введением для них особых повышенных налогов. Тем, кто по разным причинам отказывался от старообрядческого вероучения, позволялось не платить тяжкие двойные налоги [17, с. 104]. «Тайных раскольников», не внесенных в соответствующие списки, предполагалось распознавать разными способами, в том числе через «публичную в церквях присягу» [11, с. 568], во время произнесения которой они обязывались публично заявлять о своей преданности «господствующей» Церкви.

Задача данной статьи заключается в изучении системы аргументации публицистического произведения, посвященного проблемам взаимоотношений с приходским духовенством и содержащего доводы в защиту добровольной записи в «раскольничьи» списки, подготовленного выговским литератором Тимофеем Андреевым.

Неизвестный старообрядческий автор конца XVII в. описывал ситуацию, возникшую после никоновских реформ, следующим образом: «претвориша бо ся пастырие в волчье естество и разсвирипеша на стадо Христовых овец и разгнаша я по горам и пропастям земным» [5, с. 50-61]. В мрачной,

наполненной трагическими событиями истории борьбы против старообрядчества были многочисленные казни, массовые самосожжения, восстания [19, с. 294-300]. В длительном противостоянии силы русского народа тратились не на освоение новых земель и интенсивное развитие экономики, а на бесперспективное междоусобное противостояние. Находясь на неплодородной, малонаселенной окраине государства, староверы вынуждены были пойти на контакт с внешним миром. Первые уступки, отход от радикальных взглядов на окружающий мир проявились в Выговском «общежительстве» в первой четверти XVIII в., когда в «Поморских ответах» впервые из уст староверов прозвучали похвальные слова в адрес императора и Российского государства: «Мы аще о внесенных от Никона новопреданиях сомневаемся; но не сомневаемся в богопоставленном самодержавствии богопоставленного и богохранимого самодержца» [15, с. 23]. Но наиболее существенные изменения как в позиции власти в отношении религиозных диссидентов, так и в восприятии окружающей действительности самими старообрядцами произошли в середине XVIII в. после заметного упадка радикальных эсхатологических настроений в среде приверженцев «древлего благочестия», обусловленного как ростом материального благосостояния старообрядческих сообществ, так и постепенным прекращением государственных гонений на религиозных диссидентов.

К числу авторов, которые в наиболее отчетливой форме выразили новые компромиссные настроения, относится старообрядческий полемист Тимофей Андреев (1745-1808). Один из первых глубоких знатоков биографий староверов Павел Любопытный характеризует Т. Андреева как «славного жителя Выгорецкой киновии», «убедительного и знатного писателя многих творений в защиту Христовой (поморской) Церкви». Своим незаурядным «красноречием, разительным духом и твердостью в истинах он услаждал всех слушающих и пленял их в свое послушание» [9, с. 249]. Благодаря своей литературной деятельности Андреев стал «убедительным и знатным писателем многих творений в защиту Христовой Церкви и в обличение врагов ея» [9, с. 250].

Основные его труды посвящены традиционным для старообрядческой литературы проблемам. Прежде всего, он предлагал новое осмысление вечно актуальной для старообрядцев темы явления Антихриста в современном мире, составлял надгробные слова в память выговских настоятелей и подготавливал полемические сочинения против «поповщины, явно заблуждающей во многих частях церковных догматов и обычаев Церкви». Тимофей Андреев знаменит своим трудолюбием – непосредственным участием в пополнении библиотеки Выговского старообрядческого «общежительства»: «им был полностью переписан сборник житий избранных святых» [20, с. 86], подготовлены «слова» на церковные праздники. В них «подробная трактовка символики праздника сопровождается перечислением добродетелей, которые следует слушателям преподнести в качестве даров Богу» [20, с. 167].

Сочинения Андреева (в особенности фундаментальное произведение «Щит веры») стали заметным явлением в истории старообрядчества, послужили авторитетной основой для новых полемических произведений. Наиболее действенным аргументом в произведениях Андреева о взаимоотношениях с духовенством стало евангельское слово. Как показывают современные литературоведческие исследования, цитаты из Священного Писания в произведениях старообрядческих авторов теснейшим образом сопрягались с системой доказательств иного рода: свидетельствами, почерпнутыми из житий святых, церковно-историческими примерами, фактами из жизни современного Тимофею Андрееву российского старообрядчества. В конечном итоге его система доказательств опиралась на сформулированные в старообрядческих риториках общие принципы. Согласно им при создании литературных произведений любого жанра надлежало тщательно разграничить три важные сферы: Священное Писание, творения отцов Церкви и «человеческую» литературу простых смертных [13, с. 109].

Традиционное построение текста подчинялось обоснованию идеи, которую прежде трудно было представить на страницах старообрядческих произведений. Речь шла о возможности и даже необходимости записи в

двойной подушный оклад и, соответственно, добровольном признании себя «раскольниками». Согласно существовавшему до 1782 г. законодательству, двойной налог, средства от которого шли на борьбу со старообрядческим движением, следовало собирать только с противников никоновских реформ. Против признания за собой уничижительного прозвища «раскольник» решительно выступал неизвестный оппонент Т. Андреева, некий, по ироническому выражению старообрядческого полемиста, «дивный автор», настроенный предельно радикально. Он предлагал незамедлительно отказаться от записи в соответствующие книги, где фиксировались «записные раскольники» и, таким образом, избрать для себя и своих сторонников не «окаянен живот» (убогое существование), а героическую погибель или, по крайней мере, неизбежные страдания за правое дело [1, л. 4]. Священное Писание, утверждал Тимофей Андреев, «раскол не по существу его злою вещь исповедует, но по усмотрению делимых им вещей». Ведь известно, что «резание и драние не по существу своему хулно есть, но по усмотрению резаемых и раздираемых вещей». Если «здравая риза» раздирается без видимой причины, «хулно есть то резание и драние». Но совсем другой подход возможен в том случае, если «скверная риза» в себе содержит «потребные части» и их приходится отрезать от сгнившей ткани, «да от среды ея потребные части изъяты будут, прочие же скверные части да отринутся или паче во огни да сожгутся» [1, л. 18].

Такое позитивное «резание и драние не токмо не хульно, но и зало похвально есть». Точно также и раскол «по существу своему злая вещь и христианству чюждая», но в послании к галатам святой архиепископ Феофилакт «раскол похваляет и Божией вещь нарицает». Следовательно, «не всяк раскол и раскольническое порицание есть христианству несвойственное и весьма чюждое» [1, л. 18]. Записавшиеся под именем «раскольник» в соответствующих документах «от новых учителей того ради раскольниками нарицаются, яко их еретическия церкви не приобщаются» [1, л. 19]. В полемике с радикальными сторонниками старообрядческого вероучения Т. Андрееву

пришлось преодолеть и еще один сложившийся в первые годы церковного раскола устойчивый стереотип. Известно, что именование себя раскольником длительное время оставалось наиболее болезненным решением для старообрядцев. Не случайно авторы «Поморских ответов» – одного из наиболее почитаемых старообрядцами произведений – утверждали: «В Православии раскола какова не сотворихом ... сего ради несть мы расколотворцы» [15, с. 24].

Наречение себя тем или иным именем, утверждал Т. Андреев, вовсе не является отступничеством. Примеры из Священного Писания, в частности, из Деяний апостолов, должны были служить подтверждением такого вывода, явно невозможного прежде для старообрядческого автора. Ведь известно, напоминал старообрядческий полемист, что святой апостол Павел «по случаю», в силу необходимости называл себя римлянином, «а не всегда христианином или апостолом», да и сам Христос «многожды нарицающе себе Сына Человеческого и назарянина и прочия имена (а не Бога)». Приведя перечень примеров подобного рода, Т. Андреев подвел итог сказанному: «много таковая во всем Евангелии обретается словес, яже немощи ради человеческия снисходительно глаголются» [1, л. 4]. Другой пример связан с житием преподобного Максима Исповедника – христианского монаха, богослова и философа, известного непримиримой борьбой против ересей. Ему доводилось слышать, как «не правоверующие правоверных раскольниками нарекаше». Преподобный, «слышав сие, ничтоже на то глагола, но молчанием слышание запечатле». Если бы в таком наименовании имелась «богопротивная причина», «всяко бы таковой немолчный орган и еретическому умовредию действительный и явственный обличитель не умолчал» [1, л. 22].

Тем не менее, в старообрядческой среде слово «раскольник» воспринималось как нежелательное и оскорбительное. Впоследствии влиятельный покровитель местных старообрядцев петербургский губернатор У.С. Потапов по-своему помог решить непростую задачу корректного наименования оппозиционной господствующей Церкви конфессиональных групп. В. Белоликов, опубликовавший переписку наставника выговских

староверов и петербургского губернатора, утверждает, что императорские указы о снятии со старообрядцев двойного подушного оклада и об «уничтожении хульного имени раскольник» испрошены никем иным, как настоятелем Выговского «общежительства» Андреем Борисовым «через посредство Санкт-Петербургского губернатора Потапова» [3, с. 642].

Вопреки быстро формировавшейся лицемерной и пронизанной коррупцией системе взаимоотношений духовенства и прихожан, Тимофей Андреев настаивал на явном причислении на добровольной основе к «древнему благочестию». Перед верующим, записавшимся в составляемые священниками поименные приходские перечни старообрядцев, обязательно прилагавшиеся к исповедным ведомостям, по его мнению, открывались заманчивые возможности. От такого верующего не требовалось «в церковь нечестивых входить», не следовало «купно с ними молиться и никаких таин принимать». Наоборот, разрешалось на законных основаниях «все, что в старопечатных книгах содержится, содержать», внося в казну положенную «дань», т.е. платя подушную подать в двойном размере. Укрывавшиеся от записи в «раскол», значительно дальше, по мнению Т. Андреева, отступали от «древлеблагочестивой веры». «Потаенный» старообрядец должен был идти на «вящие» уступки. Он подобострастно преподносил местному священнику подарки, униженно кланялся и умолял подделать документы: указать «в великопостных скасках, яко бе у него на духу» [1, л. 8]. Когда «бывают подписки от магистратов» о том, чтобы «гражданин брады брить, платие немецкое носить, он же в исполнение всего того подписуется» [1, л. 24 об.]. Прежние «выгопустынные отцы», основатели старообрядческой кинонии, в свое время исполнили указ и добровольно внесли свои имена в списки «раскольников» и без недоимок платили повышенные налоги [1, л. 25].

Андреев рассматривал и противоположную ситуацию. Если старовер по каким-то причинам оказался не способен «клириков одарить» или конфликтовал с приходским иереем, в органы власти немедленно поступал донос о «потаенном раскольнике». В таком случае, утверждал Т. Андреев,

старообрядец, «не хотя оставить дому, не хотя разлучити домашних, идеше и не по воле, от беды, от лютого падения, в церковь их и причащается там» [1, л. 25, об.].

Суждения Тимофея Андреева полностью совпадают с наблюдениями современных ученых, основанными на изучении приходского делопроизводства и церковного законодательства. Как показывают современные исследования, учет старообрядцев вообще оставался в течение всего изучаемого периода крайне несовершенным. В XVIII в. священнослужители использовали малопрятную, хлопотную обязанность, возложенную на них государством (выявление «потаенных раскольников»), как источник дополнительных доходов. Исповедный контроль по сути дела стал значимым инструментом выявления старообрядцев и существенной частью государственного контроля над массовым сознанием. Исследователь русского религиозного сознания А.С. Лавров полагает, что для Петра I «не менее важно было то, чтобы подданные регулярно исповедовались, чем то, чтобы они регулярно платили свою подушную подать» [8, с. 346]. Особое значение исповеди как «средства выявления и пресечения раскола и распространения ересей было специально отмечено в ряде указов эпохи Петра I и его преемников» [14, с. 30]. «Избавить прихожан от преследований, – вполне обоснованно пишет Н.Д. Зольникова, – чаще всего помогала взятка». Она стала «традиционным явлением во взаимоотношениях тайных старообрядцев с приходским духовенством» [6, с. 12]. Академик Н.Н. Покровский полагает, что в петровском законодательстве исповедь превратилась «в контролируемый государством метод общеобязательной проверки», малоэффективный и явно не способный «отделить овец от козлищ» [12, с. 382].

Слова Евангелия и библейские сюжеты стали отправной точкой в системе аргументации Тимофея Андреева. Иисус Христос, напоминает старообрядческий писатель, «вопрошающим у него лукавым фарисеом отвечает: "воздадите кесарева кесарю, а Божия Богови"». Точно так же «сосуд избранный», апостол Павел, «завещаючи глаголет: "воздадите убо

всем должная, ему же урок – урок, ему же дань – дань, ему же страх – страх, ни в едином ни чем должны бывать"» (См. синодальный перевод Евангелия: «Итак, отдавайте всякому должное: кому подать, подать; кому оброк, оброк; кому страх, страх; кому честь, честь» [Рим. 13: 7]). Толкование слов Иисуса Христа и послания апостола подчинено основной цели: не началу безнадежной борьбы с отступниками-«никонианами», а сохранение сил, во имя которого необходимо «искупить (т.е. приобрести) время» [1, л. 3 об.].

Вновь обращаясь к проблематике, выдвинутой оппонентом, труды которого и побудили Андреева взяться за перо, «славный житель Выговской пустыни» обращает внимание читателя на слова Иисуса Христа о необходимости исповедания веры. Напомним, о чем идет речь. В изложении Т. Андреева евангельский текст выглядит следующим образом: «Иже исповесть Мне пред человеки, исповем его и Аз пред Отцем Моим и иже отвержется Мене пред человеки, отвернусь его и Аз пред Отцем Моим». Комментируя слова Спасителя, Андреев приходит к закономерному выводу: «Зрите, яко ино есть отвержение, ино же есть неисповедание». Спаситель «по случаю» простит отсутствие проповеди, но публичное «отвержение» от Христа «грешно и мучительно» [1, л. 6]. Ссылка на Священное Писание открывала перед старообрядцами возможность уступок власти. Теперь раздражавший власть имущих старообрядческий прозелитизм мог остановиться: главным делом объявлялось молчаливое личное сохранение благочестия.

Текст Священного Писания неизбежно должен был подтверждаться фактами из истории Православной Церкви. Надлежало доказать, что в Православии накоплен значительный опыт временных уступок, компромиссов ради высоких целей. Высказываясь в духе исторической концепции поморских старообрядцев, в соответствии с которой лишь они единственные являются духовными наследниками древней церкви, Тимофей Андреев прослеживает прямую преемственность между Церковью, платившей дань жестоким завоевателям-монголам, и «преждебывшими» благочестивыми основателями Выговской пустыни. Современность, благоприятное для старообрядцев

царствование Екатерины II, и вовсе представлялась ему в оптимистических тонах. Ныне «определенная Божиим благоволением всемилостивейшая наша государыня всю такую свирепость и запрещение укрощает и удерживает и дает всем в святой вере свободное пребывание». Она, как говорится в старообрядческом понимании указа, повелевает обложить староверов налогами в двойном размере, «и поступать с таковыми как с выходящими из-за границы, то есть, не чиня им никакого притеснения и принуждения» [1, л. 30]. Современные исследования в целом подтверждают слова Андреева. После восшествия на престол Екатерины II «частокол запретов в отношении старообрядцев и сектантов сменялся осторожным признанием "непотопляемости" мучеников за веру» [10, с. 47].

Новые позитивные для приверженцев старой веры реалии российской жизни второй половины XVIII в. побудили Т. Андреева создать впечатляющую, но бесконечно далекую от тревожных эсхатологических представлений картину массового вынужденного молчания и в то же время широко распространенной, тайной, но искренней поддержки старообрядчества. «Кто же исчислити может сицевых таящихся народов, елицы быша из сенаторства, и елицы из господства, и ис купечества, и ис простого народа, житейскими вещьми обязанных, и благочестие свое в сердце тепло хранящих с воздыханием многим, яко не могут иначе быти» [1, л. 31]. Так на смену представлению о трагическом одиночестве старообрядческих общин – последних оплотов правоверия в предавшемся Антихристу мире – приходит оптимистичный вывод о множестве тайных, безмолвных, но искренних и неизменных сторонников старообрядчества. Они давно и полностью осознали его правоту, но слишком тесно связаны «житейскими вещьми», чтобы публично и решительно выступить в поддержку «древлего благочестия». Современные исследования старообрядчества в целом содержат сходные выводы о существенной поддержке старообрядческого движения в разных слоях российского общества второй половины XVIII в [16, с. 118-119].

Вновь соотнося евангельский сюжет с реалиями церковной жизни конца XVIII в., Т. Андреев находил основания для отказа от радикальных представлений. По его мнению, в создавшейся в России ситуации «записавшихся в двойной оклад, если праве рассмотрим, всяко познаваем их древнее благочестие перед новодогматствующими исповедующих». Ведь «двойной платеж не за что иное творят, точию за содержание древлего благочестия и за отлучение нынешня церкви». Исповедание старой веры отождествлялось с исповеданием христианства: «Не Христа ли убо записавшиеся исповедуют, не имя ли Христово прославляют, егда по древлецерковному преданию на крестное знамение персты слагают?» [1, л. 12]. Так идеи, персонажи и ситуации, извлеченные из евангельского текста, позволяли Т. Андрееву подтвердить главную мысль его труда: сохранение «древлеправославной» Церкви путем компромисса с государственной властью. Но признать «исповедующими Христа» по-настоящему Т. Андреев соглашался только своих сторонников-старообрядцев, приверженных компромиссу с господствующей Церковью.

Переходя к выявлению специфических черт конфликта старообрядцев с внешним, т.е. никонианским миром, Т. Андреев обращался к новейшим сочинениям профессиональных борцов с идеологией «древлего благочестия». Его внимание привлекали знаменитые полемические сочинения Московского митрополита Платона (Левшина), который настойчиво призывал старообрядцев «бросить ненавистный дух», незамедлительно прекратить «самовольное отлучение от святой Церкви». Повседневные обычаи оппонентов в труде Платона представлены в явно карикатурном виде: «оставя свои дома и сродников, бегаете по лесам, а которые не в лесах живут, и те нас, православных, как татар гнушаются, никакова с нами общения не имеют, не сходятся, не говорят, не едят с нами». Обличительные слова, представленные в труде митрополита, постоянно тиражируемые суровые «хулы» в адрес старообрядцев, по мнению Т. Андреева, должны возыметь обратный эффект: не скорбь, а ликование. Надо лишь вспомнить слова Спасителя: «блажению есте,

егда поносят вас Сына Человеческого ради. Радуйтесь и веселитесь, яко мзда ваша многа на небесех» [1, л. 13]. Таким образом, суровые обличения старообрядчества должны привести к укреплению духа, заметной активизации усилий его твердых в вере приверженцев. В то же время евангельское слово позволяло противопоставить полновластным гонителям новые убедительные аргументы, ориентирующие противников никоновских реформ не на бесполезное сопротивление, бесперспективные восстания или ритуальный суицид, а на компромисс с духовной и светской властью, кроткое ожидание будущего вознаграждения за гонения: «мзду многу на небесах» [1, л. 19].

Период времени, когда создавал свои произведения Тимофей Андреев, стал началом длительного благополучного периода в истории старообрядчества. С одной стороны заинтересованная в привлечении из-за границы бывших подданных Екатерина II постепенно отменяла законы, ущемлявшие их права. С другой стороны, растущие и накапливающие экономический потенциал старообрядческие сообщества готовились отказаться от эсхатологических настроений. Соотнося евангельский текст и реалии повседневной жизни старообрядческих поселений, Т. Андреев достиг важного эффекта. Он противопоставил радикальный и, очевидно, ведущий к гибели путь борьбы с властью и частичные уступки давлению государства (с которым в сознании старообрядцев вполне обоснованно отождествлялось приходское духовенство), позволявшие сохранить «древнее благочестие».

Потенциальная готовность старообрядческих сообществ к идейным компромиссам с «гонителями» не была настолько велика, чтобы, подчиняясь инстинкту самосохранения, пренебречь заветами старшего поколения, многие представители которого в дальнейшем приняли мученическую смерть за свои убеждения и затем старообрядцами за свои страдания были причислены к лику святых. Сломить настойчивое сопротивление новшествам могла только ссылка на примеры из истории становления старообрядчества, послания святых отцов Церкви и авторитет Евангелия. Разрушив повседневную связь с Церковью, старообрядцы оставили за собой в качестве последней опоры Священное

Писание, которое стало для них путеводителем в бурном море страстей религиозной жизни XVIII в.

Список литературы:

1. Андреев Т. Возражения на тетради, запрещающие записываться в число раскольников и платить двойной оклад // Отдел рукописей Библиотеки Российской академии наук. Собрание Каликина. № 138. Л. 1-49.
2. Асонов Н. Формирование представлений о власти в политических доктринах старообрядчества // Власть. 2008. № 7. С. 72-76.
3. Белоликов В. Из истории поморского раскола во второй половине XVIII века // Труды императорской Киевской Духовной Академии. 1915. Т. 10. С. 640-655.
4. Гурьянова Н.С., Крамми Р. Историческая схема в сочинениях писателей выговской литературной школы // Старообрядчество в России (XVII-XVIII вв.): Сборник научных трудов. М.: Наука, 1994. С. 120-138.
5. Демкова Н.С. Из истории ранней старообрядческой литературы. «Жалобница» поморских старцев против самосожжений (1691) // Древнерусская книжность. По материалам Пушкинского Дома. Л.: Наука, 1985. С. 50-61.
6. Зольникова Н.Д. Сибирская приходская община в XVIII в. Новосибирск: Наука, 1989. 438 с.
7. Ильин В.Н., Должиков В.А. «Противораскольническая» государственно-конфессиональная политика в России периода правления Петра I // Вестник Томского государственного университета. Серия «История». 2021. № 70. С. 19-25.
8. Лавров А.С. Колдовство и религия в России. 1700–1740 гг. М.: Древлехранилище, 2000. 574 с.
9. Любопытный П. Исторический словарь и каталог, или Библиотека староверческой церкви // Сборник по истории старообрядчества, издаваемый Н. Поповым. М., 1866. Т. 2. 348 с.

10. Никулин М.В. Православная Церковь в общественной жизни России (конец 1850-х – конец 1870-х гг.). М.: Издательство Ипполитова, 2006. 287 с.
11. О познании тайных раскольников через публичную в церквях присягу // Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного вероисповедания. Т. 2. СПб. Синод. тип., 1872. № 877. С. 568.
12. Покровский Н.Н. Организация учета старообрядцев в Сибири в XVIII в. // Русское население Поморья и Сибири. Новосибирск: Наука, 1973. С. 367-384.
13. Поньрко Н.В. Эстетические позиции писателей выговской литературной школы // Книжные центры Древней Руси. XVII в.: Разные аспекты исследования. СПб.: Наука, 1994. С. 103–114.
14. Полянский П.Л. Правовое регулирование штрафа за небытие у исповеди в XVIII веке // Вестник Московского университета. Серия 11: Право. 2009. № 4. С. 27-40.
15. Поморские ответы. [Б.м.], [б.г.]. 568 с.
16. Пыжиков А.В. Грани русского раскола. Тайная роль старообрядчества от 17 века до 17 года. М.: Концептуал, 2018. 528 с.
17. Резолюции Святейшего Синода по делам, относящимся до раскола // Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного вероисповедания. Т. 2. СПб.: Синод. тип., 1872. № 454. С. 103–108.
18. Соколовская М.Л. Складывание института учительства в Выго-Лексинском «общежительстве» // Мир старообрядчества: Личность. Книга. Традиция. Вып. 1. М.; СПб.: Хронограф, 1992. С. 13-35.
19. Шашков А.Т. Самосожжения как форма социального протеста крестьян-старообрядцев Урала и Сибири в конце XVII – начале XVIII в. // Традиционная духовная и материальная культура русских старообрядческих поселений в странах Европы, Азии и Америки. Новосибирск: Наука, 1992. С. 294-300.
20. Юхименко Е.М. Выговская старообрядческая пустынь: Духовная жизнь и литература. Т. 1. М.: Языки славянской литературы, 2002. 544 с.

Сведения об авторе:

Пулькин Максим Викторович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института языка, литературы и истории Карельского научного центра Российской академии наук; доцент кафедры экономики, управления производством и государственного и муниципального управления Института экономики и права Петрозаводского государственного университета (Петрозаводск, Россия).

Data about the author:

Pulkin Maxim Viktorovich – Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher of Institute of Language, Literature and History of Karelian Research Center of the Russian Academy of Sciences; Associate Professor of Economics, Production Management and State and Municipal Administration Department, Institute of Economics and Law, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russia).

E-mail: mvpulkin@mail.ru.